

ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Среда 30 января 1946 года, 3 ч. дня Черч Хауз, Вестминстер, Лондон

Председатель: Г-н Н. Дж. О. МЕЙКИН (Австралия)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Франции.

21. Предварительная повестка дня

1. Утверждение повестки дня.
2. Письмо главы иранской делегации от 19 января 1946 г. на имя Исполнительного секретаря³⁹.
Письмо главы советской делегации от 24 января 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности (документ S/W/2)³⁹
Письмо главы иранской делегации от 26 января 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности (документ S/1)³⁹.
3. Письмо и. о. главы советской делегации от 21 января 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности⁴⁰.
4. Письмо главы делегации Украинской ССР от 21 января 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности⁴¹.
5. Письмо главы югославской делегации на имя Исполнительного секретаря⁴².

22. Утверждение повестки дня

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Предлагаю принять пункт 1 повестки дня, об утверждении предварительной повестки дня. Есть ли какие-нибудь замечания? Я хочу напомнить, в связи с повесткой дня, что имеется письмо главы иранской делегации от 26 января 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности, которое было разослано и которое, как было решено на последнем заседании, должно быть включено в число документов. Все ли согласны на утверждение повестки?

Повестка дня утверждается.

23. Дополнительное заявление представителя Ирана

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): На третьем заседании Совета Безопасности, соответственно предложенной мною процедуре, которая была принята Советом Безопасности, представитель Ирана был приглашен занять место за столом Совета для участия в обсуждении без права голоса. Представитель Ирана сделал тогда устное заявление, в ответ на которое было сделано устное заявление представителем Союза Советских Социалистических Республик.

³⁹ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2А.

⁴⁰ Там же, Дополнение № 1, приложение 3.

⁴¹ Там же, Дополнение № 1, приложение 4.

⁴² Там же, Дополнение № 1, приложение 5.

Прежде чем предложить Совету Безопасности перейти к общему обсуждению этого пункта, я должен доложить, что представитель Ирана желает получить возможность сделать несколько дополнительных замечаний. Совету Безопасности надо будет поэтому дать свое согласие на это выступление иранского представителя. Но в таком случае, по моему мнению, Совет должен предоставить право и представителю Союза Советских Социалистических Республик ответить на эти замечания в той форме, в какой ему будет угодно.

Угодно ли Совету Безопасности дать представителю Ирана возможность сделать дополнительное заявление? Есть ли возражения?

Предложение принимается.

Г-н ТАКИЗАДЭ (Иран) (*говорит по-английски*): Я ограничусь лишь двумя замечаниями в ответ на заявление советского представителя, сделанное им на последнем заседании. Я хочу ответить на те пункты, которые касаются существа вопроса, и не буду вступать в обсуждение других пунктов и ссылок, намеков на перемену правительства в Иране и иных подобных вопросов.

Сущность заявления советского делегата основывалась на двух положениях: во-первых, что между Ираном и Советским Союзом состоялись переговоры, закончившиеся со стороны Ирана выражением удовлетворения по поводу достигнутого результата; во-вторых, что раз между сторонами имели место переговоры, то дело не может быть внесено в Совет Безопасности, согласно предусмотренной Уставом процедуре. Я должен сказать, что иранская делегация оспаривает оба эти пункта и придерживается того мнения, что аргументация советского представителя ни на чем не основана.

Во-первых, т. е. относительно первого вопроса, как полностью и ясно указано в меморандуме, поданном иранской делегацией Совету Безопасности, история обмена нотами⁴³ между Ираном и Союзом Советских Социалистических Республик по поводу недавних происшествий такова:

После восстания в Азербайджане, иранское правительство послало 18 ноября в виде подкрепления войска безопасности и препроводило советскому правительству, прежде всего, ноту с перечнем довольно многочисленных случаев вмешательства во внутренние дела Ирана. Во-вторых, иранское правительство просило о предоставлении свободы действий и передвижения иранским войсковым частям, посланным в Азербайджан, и о том, чтобы советское правительство не чинило им никаких препятствий.

⁴³ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2В, прибавление А. Это прибавление содержит тексты нот, представленных иранской делегацией в переводе.

Тем не менее, иранские войска безопасности были остановлены советскими военными властями в восемнадцати милях от Тегерана и не могли продвинуться дальше, почему были вынуждены там остановиться. 22 и 23 ноября иранское правительство направило советскому правительству две ноты, прося дать немедленно срочные указания своим военным властям о прекращении этого вмешательства и о пропуске иранских войск.

В своем ответе от 26 ноября советское правительство отрицало все указанные в иранской ноте случаи вмешательства, но категорически заявило, что подобные вмешательства впредь не будут допущены. Все же советские власти отказались пропустить иранские войска безопасности. Ввиду того, что главной и ближайшей целью иранского правительства было добиться пропуска иранских войск в Азербайджан, названное правительство в ответ на эту ноту советского правительства заявило, что оно не хочет в настоящий момент входить в рассмотрение вопроса об имевших в прошлом место случаях вмешательства, отрицаемого советским правительством. Так как советское правительство в своей ноте заявило, что никакие вмешательства впредь не будут допущены, то иранское правительство повторило свою настойчивую просьбу о предоставлении войскам безопасности, посланным в Азербайджан, возможности дальнейшего движения.

Эта нота составлена на персидском языке и находится здесь, перед моими глазами. Я, вероятно, достаточно хорошо знаю персидский язык, чтобы иметь возможность сказать, что в этой ноте нет ни намека на выражение удовлетворения либо по поводу того, что советское правительство отрицало прошлые вмешательства, либо по поводу того, что оно отвергло иранскую просьбу о пропуске войск безопасности. Эти письма, написанные на персидском языке, могут быть легко представлены Совету Безопасности для их изучения беспристрастными экспертами, и вы уже видели их перевод в меморандуме, который иранская делегация представила Совету.

Но помимо всего этого, почему не обратиться к здравому смыслу членов Совета Безопасности? Можно ли допустить мысль, — после того как одно государство ответило другому, обратившемуся к нему с жалобой, что все им сказанное неправда, и отвергло его просьбу о пропуске войск, — чтобы обиженное государство повернулось и сказало: «Спасибо»?

Советское правительство называет это «переговорами», а отказ в просьбе и обещание невмешательства в будущем называет «счастливым разрешением» этих так называемых переговоров. Я могу лишь предоставить оценку этого здравому смыслу членов Совета Безопасности.

Что касается второго положения советского представителя о том, что это вопрос процедуры, что об этом велись непосредственные переговоры и что, поэтому, согласно статье 33 Устава дело не может быть внесено на рассмотрение Совета Безопасности, — то я должен сказать, что по-моему статья 33 говорит только о том, что стороны в споре должны прежде всего искать разрешения путем переговоров.

Мы желали этих переговоров. Мы пошли настолько далеко в этом отношении, что иранские премьер-министр и министр иностранных дел выразили готовность ехать в Москву для переговоров, не только во время Конференции трех держав в Москве, как сказал советский представитель, но и до того, а также позже, в ноте, посланной советскому посольству, и еще раз в речи, произнесенной перед иранским парламентом 18 декабря; текст этой речи был приложен к ноте, посланной советскому посольству 21 декабря.

Это предложение было повторено в ноте от 14 декабря советскому посольству в Тегеране. В ней было ясно сказано, что иранское правительство, перед тем как узнать о предстоящей в Москве Конференции министров иностранных дел, предложило через своего посла в Москве, чтобы премьер-министр и министр иностранных дел Ирана поехали в Москву и вошли в контакт с советскими государственными деятелями.

Но все это ни к чему не привело; все это было оставлено без внимания. В конце концов переговоры для улажения этого спора так и не состоялись. Ноты иранского правительства, просящие о пропуске его войск на указанную территорию, и ноты советского правительства с отказом в этой просьбе не могут быть названы «непосредственными переговорами», приведшими к каким-то результатам.

Поэтому, когда советский представитель говорит, что не было попыток прямых переговоров для улажения дела, то я возражаю, что это неправда, потому что, как я уже объяснил, мы безуспешно пытались вступить в прямые переговоры. Но если он хочет сказать, что переговоры уже начались и что эти ноты, содержащие просьбу и отказ в просьбе, должны рассматриваться как переговоры, то, даже если принять это толкование, я тем не менее утверждаю, что они не привели ни к каким результатам. Поэтому, с какой бы точки зрения ни посмотреть на это дело, окажется, что условия, требующиеся для внесения дела на рассмотрение Совета Безопасности, выполнены.

В заключение я хочу сказать, что теперь, когда этот спор дошел до Совета Безопасности и поставлен на повестку дня, он не может и не должен быть с нее снят; Совет Безопасности ни в каком случае не может отказаться от его рассмотрения; его необходимо рассмотреть.

Если, как сказал советский представитель в конце своей речи, Советский Союз готов пойти на непосредственные переговоры для улажения этого спора, мы согласны принять участие в непосредственных переговорах, если Совет Безопасности рекомендует принятие этой процедуры. В прошлом мы всегда хотели и всегда старались наладить непосредственные переговоры. Но теперь эта процедура должна быть принята по рекомендации Совета Безопасности и согласно правилам, предписанным Уставом.

Совет Безопасности должен принять этот вопрос под свою юрисдикцию; переговоры должны протекать под его эгидой. О ходе их должно периодически докладываться Совету, а результаты должны быть сообщены ему по истечении известного срока. При таких усло-

виях мы согласны пойти на прямые переговоры с Союзом Советских Социалистических Республик, но, как я уже сказал, мы ни в коем случае не согласны, чтобы дело вышло из рук Совета Безопасности.

24. Дополнительное заявление представителя Советского Союза

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Я внимательно выслушал второе заявление в Совете Безопасности г-на Такизаде, главы иранской делегации, представляющего иранское правительство.

Я не думаю следовать по тому пути, который избрал представитель иранской делегации, потому что это означало бы, во-первых, повторять то, что уже было сказано, а повторение не всегда является матерью учения, вопреки существующей школьной поговорке, а во-вторых, это означало бы топтание на одном месте, без всякой надежды на то, что дело продвинется вперед.

Все же я вновь должен остановиться на некоторых наиболее важных моментах, которые сегодня были затронуты представителем Ирана.

В прошлый раз я поставил два основных вопроса: были ли переговоры, и какие результаты дали эти переговоры. Сегодня иранский представитель говорит, что, в сущности говоря, переговоры были, но не прямые переговоры. Я бы тогда спросил, какие же это были переговоры? Не прямые — это значит переговоры через посредство какого-либо другого лица, или учреждения, или государства. Я не знаю, чтобы в течение ноября месяца вопросы, интересовавшие иранское правительство и, естественно, интересовавшие и советское правительство, рассматривались через посредство каких-либо других учреждений, лиц или государств. Я, наоборот, могу утверждать, на основании тех же документов, которые так обильно представила Совету Безопасности иранская делегация, что эти переговоры были между советским правительством и иранским правительством и без посредников. Но переговоры, которые происходят без посредников, и являются прямыми переговорами.

Но я не буду останавливаться даже на этой стороне дела, потому что, в конце концов, безразлично, были ли это прямые или косвенные переговоры. Факт тот, что были переговоры. То, что эти переговоры происходили посредством обмена нот, с одной стороны, и, с другой стороны, через нашего посла в Тегеране и иранского посла в Москве г-на Ахи, нисколько не меняет дело. Наоборот, это служит лишним доказательством того, что такие переговоры были. Мне кажется, нет необходимости тратить время на отрицание таких совершенно очевидных фактов, фактов, которые доказываются даже теми документами, которые представила иранская делегация.

Второй вопрос. Имели ли эти переговоры какой-нибудь успех, какой-либо результат?

Я ссылаясь на ноту от 1 декабря. Я готов пользоваться только иранским текстом, тем текстом, который был представлен иранской делегацией в качестве приложения, разосланного членам Совета Безопасности. Я все-таки не

могу исключить фактов, которые говорят сами за себя. Конечно, можно поставить ряд таких незначительных вопросов, бывает ли так, чтобы заинтересованная страна заявила — ваша жалоба неправильна, но я вас благодарю, как сказал г-н Такизаде. Но факт все-таки тот, что в ноте от 1 декабря, и я процитирую этот текст по экземпляру, который прислан был иранской делегацией, говорится:

«В ответ на сообщение, в котором Вы заявляете, что обвинения во вмешательстве советских служащих в наши внутренние дела в северных провинциях не обоснованы, министерство иностранных дел не желает в настоящее время входить в дальнейшие объяснения по этому вопросу и выяснять его происхождение. Оно отмечает с удовлетворением содержание Ваших заявлений о том, что впредь подобные инциденты не будут повторяться»⁴⁴.

Я не хочу спорить, я готов принять иранский текст, как он есть. Я не хочу спорить о словах, я не хочу спорить о филологии, ибо здесь филологию можно оставить в стороне. Текст, который мы получили и перевели, мы проверяли его в течение нескольких дней путем телеграфной переписки через Москву с нашим посольством в Иране, гласит в этом месте следующее:

«Министерство иностранных дел выражает свое удовлетворение по поводу содержания Вашей ответной ноты, в которой Вы пишете, что вмешательство советских служащих во внутренние дела Ирана в северных странах не соответствует действительности, ввиду того, что МИД в настоящее время не желает давать более подробных разъяснений по этому случаю и полностью освещать прошлые обстоятельства, а также по поводу того, что из Ваших заявлений вытекает, что указанные действия в дальнейшем повторяться не будут. МИД выражает свою радость также по поводу Вашего заявления о том, что советские служащие полностью уважают статьи Тройственного договора и Декларацию руководителей трех великих и союзных Ирану держав, которые подписаны и опубликованы в Тегеране».

Это место соответствует в точности ноте, представленной иранской делегацией, где говорится: «Ваше заверение, что должностные лица Советского Союза относятся с полным уважением к условиям Договора и Декларации, подписанных в Тегеране, так же является источником удовлетворения»⁴⁵.

Я не знаю, следует ли верить словам, которые написаны в официальном документе, или им не следует верить? Взять ли иранский текст или наш перевод этого текста, — можно сказать одно. В результате изучения тех объяснений, которые были представлены советским правительством через свое посольство в Тегеране иранскому правительству в ноте от 26 ноября 1945 г., иранское правительство решило, очевидно, так: советское правительство заявляет, что договор будет уважаться его служащими и его представителями. Оно отрицает,

⁴⁴ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2В, приращение А, стр. 31.

⁴⁵ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, стр. 31.

правда, эти факты, но, ввиду наличия такого заверения, что не будут повторяться эти инциденты, можно не углубляться дальше в рассмотрение всех этих мелких споров, надо на этом поставить точку и обратиться к будущему. И в этом смысле я утверждаю, что ответ иранского правительства от 1 декабря несомненно выражал удовлетворение по поводу ноты советского правительства от 26 ноября. Это был подход реалистический. Это был не подход диспутантов, которые во что бы то ни стало хотят спорить, спорить отвлеченно на тему о том, что истина и что не истина, а это подход реалистический. Хорошо, вы говорите, что не было таких инцидентов, а мы говорим — были. Но мы принимаем к сведению, что договор уважается. Мы согласны поставить точку. Такой ход рассуждений реален. Такое понимание дает основание говорить о том, что ответ иранского правительства от 1 декабря имеет на себе те следы удовлетворения, которые, к сожалению, представитель иранской делегации здесь не усмотрел.

Я прошу Совет Безопасности вспомнить что советское правительство и советская делегация, выражающая здесь мнение советского правительства и действующая по его инструкции, ставит вопрос именно так.

Были или не были недоразумения? Мы отрицаем. Иранское правительство отрицает наше отрицание. До 1 декабря был подведен известный итог и была поставлена на этом итоге точка. Иранское правительство, я подчеркиваю это, прошлый раз заявило — мы не хотим дальше заниматься этим вопросом и мы не желаем возвращаться к обстоятельствам этого прошлого дела. Это конечно, дало полное основание советскому правительству рассматривать дело так, что иранская сторона удовлетворена результатом. Об этом можно было судить по ноте от 1 декабря.

В ноте от 1 декабря опять ставится вопрос о том, что нужно в северный Иран ввести дополнительно иранские войска. Но нужно было иметь в виду реальные обстоятельства, при каких этот вопрос ставился. Эти обстоятельства были таковы: во-первых, советское правительство события, происходившие на территории северного Ирана, рассматривало как не имеющие никакого отношения к пребыванию в северном Иране советских войск. События в северном Иране возникли не в результате того, что там были какие-то советские должностные или военные люди, вмешавшиеся во внутренние иранские дела. Такие заявления не могли выдержать никакой критики. Конечно, всегда консервативные и реакционные элементы склонны рассматривать всякого рода такие события в своей стране, как результат вмешательства во внутренние дела иностранной державы.

Но так ли действительно происходило дело в северном Иране? Было бы не трудно доказать, что события в северном Иране не имеют ничего общего с пребыванием там советских войск. Эти события носили внутренний иранский характер. И, как известно, все существо этих событий заключалось в том, что в северном Иране дело шло о национальной автономии в пределах иранского государства, о стремлениях и чаяниях местного азербайджанского народа, о пожеланиях, которые не представляют собой ничего необычного в

любой демократической стране. Причем тут советские войска?

Иранское правительство говорит, что оно хотело ввести дополнительно свои войска, но что советское правительство возражало против этого. Это верно. В северном Иране находится пехотный полк, две пехотные бригады, два полка жандармерии, весьма внушительный аппарат полиции. Не достаточно ли этих сил, чтобы навести порядок в этом районе?

Советское правительство ставило так вопрос и, так же как в ответных нотах на запросы американского и британского правительств через г.г. Гарримана и Керра, советское правительство говорило, что этих сил вполне достаточно, если, конечно, сами местные иранские власти не будут провоцировать местное население своими действиями. Этих бригад, этих полков и этой жандармерии вполне достаточно, чтобы при умении и желании самих иранских властей навести должный порядок в районе.

Не поставит ли дополнительный ввод иранских войск в страну в затруднительное положение обе стороны? В северном Иране, в соответствии с соглашением 1942 года между иранским и советским правительствами, находятся советские войска. Советские войска, конечно, не могли допустить, чтобы на их глазах происходила резня в результате провокационных действий властей. Так ставился этот вопрос. Я думаю, что это — законная постановка вопроса.

Я утверждаю, что в нотах после 1 декабря иранское правительство обращалось к советскому правительству не по вопросу о вмешательстве во внутренние дела Ирана, а с тем, чтобы использовать Московскую конференцию трех министров иностранных дел для обсуждения некоторых иранских вопросов и, в частности, вопроса о выводе из Ирана, — я должен здесь отметить особо, — не только советских войск, как об этом иранское правительство писало в своих нотах от 13 и 14 декабря, а о выводе всех иностранных войск.

Надо иметь в виду, что на Совете трех министров иностранных дел в Москве иранский вопрос не обсуждался. Примерно накануне закрытия совещания, 26 декабря, было окончательно установлено, что иранский вопрос не будет обсуждаться. Если представитель иранского правительства хотел быть в Москве для обсуждения иранского вопроса, а вопрос этот не обсуждался, то отпадала и необходимость в приезде этого представителя. Может быть иранское правительство недовольно, что г-н Хакими не получил возможности быть в Москве? Но правительство Хакими вело такую линию, которая поддерживала враждебное советскому правительству движение в Иране, о чем мы писали и в своих нотах и о чем говорили на Совете Безопасности 24 января.

Чтобы быть кратким, я остановлюсь на последнем заключительном заявлении представителя иранской делегации. Представитель иранской делегации заявил, что иранская делегация не возражает против прямых переговоров между Советским Союзом и иранским правительством. Это конечно, соответствует и нашим желаниям, как об этом я говорил 24 января, как об этом я заявлял на прошлом заседании, как я имею возможность заявить сейчас здесь.

Но иранская делегация ставит условие, чтобы Совет Безопасности не выпускал этого дела из

своих рук, чтобы он следил и контролировал ход переговоров и осведомлялся о результатах этих переговоров. Если поставлен вопрос так, что Советский Союз в своих действиях должен быть поставлен под какой-то особый надзор Совета Безопасности, то я это отвергаю, как несовместимое с положением Советского Союза среди других держав мира, как несовместимое с достоинством его, как члена Совета Безопасности, как несовместимое с достоинством Организации Объединенных Наций.

Я считаю, что если иранское правительство действительно не занимается здесь в данное время фехтованием с Советским Союзом, а ищет мудрого и здравого разрешения этого вопроса, то надо согласиться на двусторонние переговоры, которые могут устранить имеющиеся между ними недоразумения при добром желании советского и иранского правительств, а что добрые намерения со стороны советского правительства имеются, я ручаюсь и думаю, что иранскому правительству также нет оснований занимать другую позицию и говорить о каких-то условиях, нет оснований тем более, что Совет Безопасности постоянно существует, как действующий орган Объединенных Наций, который имеет полную возможность, пользуясь Уставом, в любое время осуществить свои права, которые ему принадлежат по Уставу. Это все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Представитель Ирана сообщил, что в одном месте слова его были переданы неправильно и что он желал бы исправить эту цитату. В связи с этим я прошу Совет Безопасности решить, можно ли ему дать право сделать эту поправку. Если Совет согласится выслушать его личное объяснение, то я считаю, что оно должно касаться исключительно неправильно цитированного места и что в настоящий момент введение нового материала в то или иное заявление недопустимо. Таково ли желание Совета Безопасности? Если нет возражений, то я прошу иранского делегата сделать свою поправку.

Г-н ТАКИЗАДЭ (Иран) (говорит по-английски): Согласно вашему желанию, я не буду входить в обсуждение существа дела. Что касается выдвинутых советской делегацией различных доводов, то, как я понял из английского и французского переводов, за которыми я следил, советский представитель заявил, будто я признал, что переговоры имели место; между тем я не признаю, чтобы я когда-нибудь сказал что-либо подобное.

Я сказал, что, согласно Уставу, стороны должны стремиться к таким переговорам, должны стараться разрешить свой спор путем переговоров, и что мы, со своей стороны, старались это сделать, но безуспешно и безрезультатно. В другом месте я сказал, но только предположительно, что если даже кто-нибудь будет считать, что такие переговоры имели место, то это не имеет никакого значения, потому что никакого результата этим достигнуто не было. Опять-таки дело могло бы быть внесено на рассмотрение Совета Безопасности даже в том случае, если переговоры эти имели место, но не привели к результату; но я никогда не признавал, что переговоры имели место.

Я опять повторяю, что отправка нами кому-нибудь ноты с просьбой пропустить наши собственные войска на нашу собственную терри-

торию в целях умиротворения и получение нами ответа в том смысле, что вопрос о том, нужны ли там войска или нет, подлежит решению не иранского правительства, а кого-то другого, одновременно с отказом в нашей просьбе, — это никоим образом не может рассматриваться как «переговоры».

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Мне кажется, что дело ясно, и я не хочу делать каких-либо заявлений.

25. Общие прения

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Вопрос подлежит теперь обсуждению со внесением тех предложений, которые Совету Безопасности будет угодно сделать.

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (говорит по-английски): Этот спор между двумя правительствами возник в процессе выполнения договора, участником которого является правительство Соединенного Королевства, равно как и оба заинтересованные правительства. Существенную часть этого договора составляет статья 4, которую я оглашу:

«Союзные государства могут содержать на иранской территории сухопутные, морские и воздушные силы в таком количестве, в каком они считают необходимым. Расположение этих войск должно быть определено в согласии с иранским правительством, поскольку это позволяет стратегическая обстановка. Все вопросы, касающиеся отношений между войсками союзных государств с иранскими властями, должны решаться, по мере возможности, в сотрудничестве с иранскими властями таким путем, чтобы обеспечить безопасность вышеупомянутых войск.

Разумеется, наличие этих войск на иранской территории не представляет собой военной оккупации и будет возможно меньше затруднять нормальную работу администрации и органов безопасности Ирана, экономическую жизнь страны, обычное передвижение населения и применение иранских законов и постановлений»⁴⁶.

В этой статье высокие договаривающиеся стороны обязуются оставить на полное усмотрение иранского правительства вопросы суверенитета, управления, передвижения войск безопасности, полиции и проч. Я был немного удивлен, когда услышал, как г-н Вышинский сказал, что именно советское правительство решило, что полицейские и военные силы в Азербайджане достаточны для поддержания порядка. Ведь по этому договору единственным судьей в этом деле может быть, по нашему мнению как участников в договоре, только иранское правительство — никто другой. В договоре также сказано, что наши войска подлежат выводу через шесть месяцев после окончания военных действий, т. е. 2 марта. При заключении этого договора, никакие другие договоры, никакие другие государства, никакие другие соображения не были приняты к учету.

Действительно, говоря от имени моего правительства, я должен сказать, что в те весьма трудные минуты, когда война была в критической стадии, мы испытывали чувство благодарности за то, что иранское правительство предоставило

⁴⁶ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2В, стр. 23.

свою территорию, своих граждан и свои пути сообщения в распоряжение союзников. В нас сильно сознание того, что раз мы вступили на известную территорию для войны с Германией, а впоследствии с Японией, то на нас лежит еще больший долг нежели тот, который предусмотрен договором. Этот долг заключается в том, чтобы не только сохранить целостность страны, которая предоставила в наше распоряжение свою территорию, но и в том, чтобы вернуть ей эту территорию в неприкосновенности, очищенной от войск, без всякого нарушения ее суверенитета.

Поэтому возникает вопрос: был ли нарушен суверенитет иранского правительства? Тут как раз свидетельства несколько расходятся. Согласно мнению иранского правительства, как видно из документов, представленных при возникновении этих затруднений внутреннего характера в Азербайджане, — затруднений, исторически сходных с теми, которые возникли под русским правительством в первой части 1914 года, — иранское правительство действовало в пределах своего права, как суверенного государства, ответственного за внутренний порядок, принять те меры, которые оно считало нужными для защиты своих граждан и поддержания порядка.

Между тем, по признанию г-на Вышинского, иранскому правительству не позволили это сделать по распоряжению верховного советского командования. О чем же тогда вести переговоры? Имело ли место вмешательство? Если да, то налицо нарушение договора, и против этого, мне кажется, ничего нельзя возразить. Договор совершенно ясен. Чего же можно еще достичь подобными переговорами? Что тут надо решать?

Все эти дни я слушал обсуждения и понял сущность жалобы иранского правительства, которая заключается в том, что трехсторонний договор должен строго соблюдаться и что войскам безопасности и должностным лицам, назначенным иранским правительством, должна быть предоставлена возможность исполнять свои обязанности, предписанные названным правительством.

С разрешения советского представителя я хотел бы его по-дружески спросить: отказано ли в этом иранскому правительству?

Договор ясен. Если бы это сделало мое правительство и мне были бы предъявлены такие обвинения, я не видел бы ущерба своему достоинству в том, чтобы Совет Безопасности разобрал это дело и сказал, поступил ли я правильно или неправильно. Я не считаю также вопросом престижа для государства, если Совет Безопасности, которому это дело поручено, расследует его и вынесет заключение о выполнении или невыполнении кем-то своих договорных обязательств.

Лично я ничего не имею против переговоров между советским правительством и иранским правительством, но я должен сказать Совету Безопасности, что ведь и мы являемся участником этого договора. Какое решение будет принято на основании этого договора? Насколько мне известно, это единственный вопрос, подлежащий обсуждению, хотя в заявлении советского правительства упоминается об опасности, угрожающей бакинским нефтяным промыслам. Я не могу себе представить, чтобы иранская армия или кто-либо другой напал на советскую армию и поставил под угрозу бакинские промыслы, — я просто не могу этого себе представить. Мне

кажется, что это преувеличение. Не могу я себе также представить, чтобы советские власти не были в состоянии организовать достаточно сильную охрану против саботажников или против всего того, о чем упоминает советское заявление.

Но дело обстоит несколько серьезнее. Наше правительство и правительство Соединенных Штатов обратились по этому поводу к советскому правительству, и нашли полученный ответ не исчерпывающим и неудовлетворительным. Мы стремимся к установлению мира, и я хочу в связи с этим указать на одно обстоятельство. Я убежден, г-н Председатель, что вы меня остановите, если я слишком отойду от темы, — но нам в Англии кажется, что все это дело весьма похоже на войну нервов. Оно действительно смахивает на цитированное иранским правительством литвиновское определение того, что составляет агрессию. Я совершенно уверен, что если удастся это устранить, то это послужит только на пользу международного мира.

Я вполне согласен на эти дискуссии, но как сторона в договоре просил бы советское правительство согласиться оставить этот вопрос на повестке дня. Во-первых, он уже был здесь предметом публичного обсуждения, а кроме того есть и другой аргумент, весьма веский аргумент, который можно было бы применить в моей стране и в Соединенных Штатах, если бы мы были в аналогичном положении. Мы — могучие государства. нас иногда называют «Большая Тройка». Я лично безусловно являюсь хорошим физическим представителем Большой Тройки.

Но мы на самом деле представляем собою мощь, а мощь имеет значение в переговорах. В Иране находятся иностранные армии. Они там с любезного разрешения Ирана, к которому — как я убежден — каждый из союзников должен питать чувство благодарности, помня об одержанной нами победе и о роли в ней иранского транспорта в самые мрачные дни. Но это маленькое государство вынуждено сейчас вести переговоры с армией, находящейся в настоящее время на ее территории и насчитывающей не знаю сколько тысяч.

Я считаю, однако, что было бы весьма нежелательным и могущим быть неправильно истолкованным такое положение, при котором Ирану пришлось бы вести переговоры одному, не опираясь, если так можно выразиться, на ту бдительность, то чувство справедливости и ту способность поддерживать равновесие, каким обладает эта новая Организация Объединенных Наций. Я даже лично придерживаюсь того взгляда, что если бы я был в таком же положении и если бы мое правительство со всей мощью, военной и экономической, которую мы представляем, находилось в конфликте с каким-либо маленьким государством или имело бы с ним спор или разногласия, — то я приветствовал бы тот факт, что это маленькое государство опирается на содействие такого защитника как Совет Безопасности.

В заключение могу лишь выразить мою надежду на то, что вопрос этот не является спорным. Мы стоим за целостность Ирана, за невмешательство в его суверенные права, за вывод войск с его территории в кратчайший срок, так чтобы последний солдат ушел к условленному сроку; мы стоим за то, чтобы Ирану и его народу была предоставлена возможность работать над

своим политическим и экономическим восставлением самостоятельно, и за то также, чтобы мы, великие державы, не брали на себя роль судей в том, что касается их внутренних дел.

Поэтому, если переговоры между двумя наиболее заинтересованными государствами могут продолжаться, на что я рассчитываю, то я искренне надеюсь, что нас не попросят в данной стадии снять дело с повестки и, таким образом, покинуть маленькое государство в тот момент, когда оно ведет переговоры в самых, по моему мнению, неблагоприятных условиях. Скажу даже, что мое собственное достоинство и вся обстановка лишь выиграют, по-моему, от того, что я окажу этой маленькой стране в ее переговорах все то содействие, в котором она нуждается.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я считаю, что мы все должны испытывать чувство удовлетворения, после такого полного обсуждения того вопроса, который первым внесен на рассмотрение Совета Безопасности, причем обе стороны согласны вести переговоры, как это предусмотрено Уставом. Я не думаю, чтобы оставление дела на постоянной повестке дня в течение переговоров, до тех пор пока не будет достигнуто соглашения, было в какой-либо мере несовместимо с Уставом или с достоинством Совета Безопасности, или же с достоинством кого-либо из членов Совета. Кроме того, мне кажется, что Совет Безопасности не может теперь снять с себя ответственности в отношении ситуации, о которой было доведено до его сведения.

Не может ли Совет согласиться о том, чтобы обе стороны продолжали добровольные переговоры и осведомляли Совет Безопасности об их ходе, пока не будет достигнуто удовлетворяющее обе стороны справедливое разрешение вопроса?

Г-н Веллингтон КУ (Китай) (*говорит по-английски*): Это — первое дело, внесенное на рассмотрение Совета Безопасности, которое подпадает под действие главы VI Устава, касающейся мирного разрешения споров. Уже по одному этому, не говоря о других причинах, оно требует чрезвычайно осторожного отношения Совета Безопасности к его трактовке.

Я с большим вниманием выслушал заявления, сделанные как сегодня, так и на прошлом заседании иранским и советским представителями; я также тщательно изучил письменные заявления, поступившие от них в Совет. Китайской делегации кажется совершенно ясным, что эти заявления, как устные, так и письменные, расходясь друг с другом относительно смысла или значения некоторых фактов или утверждений, сходятся в одном весьма важном отношении: и те и другие указывают на желание продолжать двусторонние переговоры с целью достижения соглашения. Ввиду этого ясно выраженного как советской, так и иранской делегациями желания, мнение китайской делегации сводится к тому, что Совет Безопасности поступит разумно, если одобрит путь, которому обе делегации весьма желают следовать.

И мы, китайская делегация, со своей стороны желаем выразить искреннюю надежду, что их усилия достичь соглашения путем дружественных переговоров увенчаются успехом. Как весьма правильно указал г-н Вышинский, полномочия Совета основываются на Уставе и поэтому

естественно, что он будет следить за этими переговорами со вниманием и интересом, и также вполне естественно, что Совет Безопасности пожелает быть осведомленным о ходе и результате этих переговоров.

Что же касается предложения иранского представителя о том, чтобы Советом была вынесена рекомендация о желательности переговоров, то на наш взгляд этого при настоящей обстановке, пожалуй, и не требуется. Это подходило бы к случаю, когда одна из сторон не согласна вести переговоры: тогда Совет Безопасности мог бы рассмотреть вопрос о необходимости рекомендации. Но так как обе делегации выразили весьма искреннее желание вести переговоры, то мы полагаем, что эта сторона вопроса не должна привлекать внимания Совета в настоящее время.

В заключение добавлю, что на меня произвели сильное впечатление высказанные советской делегацией уверения в желании с ее стороны сделать все возможное, чтобы переговоры завершились успешно. От лица китайской делегации я еще раз выражаю нашу надежду на успешность этих переговоров. Мы присоединяемся также к высказанному представителем Соединенных Штатов мнению, чтобы Совет держался в курсе хода переговоров и был уведомлен об успешном, надемся, их завершении.

Г-н БИДО (Франция) (*говорит по-французски*): Вопрос, внесенный на рассмотрение Совета Безопасности иранским правительством, является первым порученным нам делом. Он является прецедентом, исключительная важность которого для дальнейшей нашей работы и для будущности самой Организации Объединенных Наций ясна конечно каждому члену Совета Безопасности.

Я рад отметить в речах, которые были произнесены как представителем Ирана, так и представителем Советского Союза, искреннее желание достигнуть полюбовного разрешения вопроса и согласия обоих правительств с тем, что переговоры возможны.

Если вы обратитесь к статье 33 Устава, вы найдете там, что «стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего⁴⁷ стараться разрешить спор путем переговоров». Поэтому я думаю, что Совет Безопасности, оставляя за собой право в любой момент возобновить рассмотрение дела, если эти переговоры не достигнут результата (чего, я надеюсь, не случится), должен учесть желание сторон и предоставить им самим возобновить переговоры.

Заявления, которые мы прослушали, не останутся без пользы, так как они, позволив обоим сторонам изложить свою точку зрения, яснее уточнили точки расхождения и дали сторонам возможность, с одобрением и при поддержке Совета Безопасности, приступить теперь к переговорам, направленным на восстановление добрососедских отношений, что соответствует выраженным обеими сторонами пожеланиям.

Г-н МОДЗЕЛЕВСКИЙ (Польша) (*говорит по-французски*): Я мог бы ограничиться тем, чтобы от имени Польши присоединиться к за-

⁴⁷ Оратор особенно подчеркнул слова, написанные курсивом.

явлениям, сделанным представителями Соединенных Штатов, Китая и Франции. Но я все же хочу добавить несколько слов.

Мне кажется, что нам надлежит прежде всего решить, должен ли Совет Безопасности рассмотреть этот вопрос по существу, или нет. Обе стороны изложили свою точку зрения с ясностью, позволяющей нам принять решение. Вопрос, стоящий перед нами, является наследием войны, которую мы, Объединенные Нации, не желали, но которая была нам навязана фашистской агрессией. Для целей, которые мы считали полезными, а иногда и благородными, целые армии передвигались с одной территории на другую. Эти передвижения были обусловлены специальными договорами между заинтересованными нациями, но, как всегда в этих случаях, жизнь идет своим чередом и ставит нас перед новыми проблемами. Мы должны искать разрешения этих проблем в атмосфере взаимного доверия и спокойствия. В прениях по занимающему нас сегодня вопросу, атмосфера была, быть может, слишком накалена. Я радуюсь тому, что на прошлом заседании, как и сегодня, атмосфера значительно улучшилась.

Я слушал заявления обеих сторон, и мне хочется обратить внимание Совета Безопасности на заключения, сделанные той и другой стороной. Как мне представляется, заключение иранского представителя сводится к тому, что его правительство согласно поддерживать дружественные и добрососедские отношения с Советским Союзом. Из слов представителя Советского Союза становится ясным, что его правительство никогда не отказывалось вести переговоры с Ираном и что оно всегда готово обсуждать этот вопрос.

Мне кажется, что лучшее разрешение вопроса — это дать обеим сторонам обсудить дело между собою. Скажу даже, что вмешательство третьей стороны не привело бы к желаемым нами всеми удовлетворительным результатам.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Я вполне согласен с главными пунктами, отмеченными предшествующими ораторами. Если только один вопрос, в котором, мне кажется, мы могли бы пойти немного дальше на встречу г-ну Вышинскому: я думаю, что в такого рода деле, как настоящее, совершенно не нужно, чтобы были периодические доклады о ходе переговоров. Пока я слушал, я набросал тут кое-что, и мне хотелось бы знать, не разрешит ли вопроса резолюция в следующем духе:

«Совет Безопасности, заслушав на своих заседаниях такого-то и такого-то числа заявления представителя Ирана и представителя Советского Союза и ознакомившись с содержанием документов, представленных иранским и советским правительствами, а также документов, на которые были сделаны ссылки во время прений, и учитывая, что обе стороны заверили о своей готовности стремиться к решению настоящего дела путем переговоров, — выражает уверенность в том, что стороны достигнут справедливого решения в течение приемлемого срока, и предлагает сторонам уведомить Совет, как только соглашение будет достигнуто, чтобы дело могло быть тогда снято с повестки дня Совета Безопасности, что не лишает Совет права возобновить рассмотрение дела до получения этой информации, если он сочтет это необходимым». Я вношу это предложение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я хочу сказать несколько слов не в качестве председателя, а в качестве представителя Австралии.

По всем подобного рода вопросам политика Австралии заключается в поддержке идеи самого широкого обсуждения, рассмотрения и расследования всех жалоб, вносимых членами Объединенных Наций согласно Уставу. Действия, предпринятые Советом Безопасности по этим делам, глубоко отразятся на положении Совета в глазах всего мира.

На нашем третьем заседании было принято несколько важных решений. Представитель Ирана — страны, не состоящей членом Совета Безопасности — был приглашен занять место за столом Совета и сделать устное заявление, в добавление к письменному сообщению, поступившему в Совет от иранской делегации. Представителю Советского Союза было предложено дать устный ответ на это заявление. Принятие такой процедуры на открытом заседании Совета Безопасности является делом большой важности, так как оно ясно показало всему миру, что Совет Безопасности, лишь только обратились к его юрисдикции, предпринимал положительные шаги для разбора вопроса.

Теперь выяснилось, что обе стороны объявили о своей готовности вести переговоры. Однако, по мнению австралийского правительства, раз имело место обращение к юрисдикции Совета Безопасности, то дело должно оставаться в ведении Совета Безопасности, чтобы он мог им вновь заняться в любое время, когда сочтет это необходимым. Поэтому, если Совет Безопасности согласится отложить дальнейшее рассмотрение этого дела в ожидании переговоров между сторонами, то, по мнению моего правительства, Совет Безопасности должен быть осведомлен о ходе этих переговоров и, в особенности, о характере того или иного достигнутого между сторонами соглашения.

Это даст возможность любому члену Совета Безопасности поднять вопросы, которые он сочтет нужными, и внести на обсуждение Совета те или иные предложения. Таким образом, весь мир будет полностью осведомлен о результатах переговоров, а Совет Безопасности, к юрисдикции которого обращались, сможет решить, что дальше должно быть им сделано — буде это необходимо — в связи с этим вопросом. По этим причинам я держусь того мнения, что дело должно быть оставлено на повестке дня Совета Безопасности до тех пор, пока не будет найдено решение, которое, как мы все надеемся, не заставит себя долго ждать и удовлетворит всех, кто в этом заинтересован.

В качестве представителя Австралии я поддерживаю нидерландскую резолюцию.

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Затруднение, которое я вижу в связи с предложенной нидерландским представителем резолюцией, состоит в том, что Совет Безопасности не держится в курсе хода переговоров, пока не достигнуто соглашение.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Я именно и стараюсь устранить это затруднение тем, что упоминаю о приемлемом сроке. Я прошу представителя Соединенного Королевства отметить также, что в конце резо-

люции сказано: без ущерба для права Совета Безопасности (у меня нет перед собою точного текста) возобновить рассмотрение дела, если это окажется желательным или необходимым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Должен ли я считать, что это включено в резолюцию?

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я готов принять эту резолюцию, если Совет сохранит за собой право требовать, в случае необходимости, периодических отчетов. Я не хочу слишком торопить с отчетами. Я хочу предоставить сторонам полную возможность начать переговоры. С другой стороны, если мы будем ждать в течение неопределенного периода, каковым является «приемлемый срок», то все дело приобретет довольно туманный характер и, по-моему, мир останется под впечатлением, что мы только заслушали этот вопрос и затем его отложили. Я думаю, что таким образом мы создадим довольно плохой прецедент. Коль скоро стороны изъявили желание вести переговоры, мы должны согласиться о том, чтобы просить их представлять Совету периодически отчеты, с тем чтобы, в случае задержки с отчетом или непредставления такового, Совет мог принять соответствующие меры. Насколько я понимаю, в этом заключается австралийское предложение и предложение делегации Соединенных Штатов, но этого нет в резолюции представителя Нидерландов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Согласен ли представитель Нидерландов включить в свою резолюцию упоминание о периодических отчетах?

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Мне прежде всего хотелось выработать текст, который учитывал бы все относящиеся к этому вопросу соображения и был бы в то же время приемлем для всех нас. В резолюции несомненно говорится, что если задержка покажется Совету слишком долгой, он имеет право возобновить рассмотрение этого вопроса. Он будет иметь право потребовать отчета о ходе переговоров, если со временем сочтет нужным это сделать. Мне казалось, что нет необходимости специально говорить об этом в резолюции. Я готов на любую поправку к тексту, которую пожелает предложить кто-либо из представителей. Решить это должен сам Совет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Желательно, насколько возможно, обеспечить единогласие. Кто еще желает выступить?

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я хотел бы взглянуть на текст.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мне кажется, что было бы хорошо теперь огласить текст резолюции, а затем я попрошу представителя Ирана высказать те соображения, которые он пожелает.

Мы прервем заседание на пять минут, пока будет составляться текст.

Делается короткий перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Прошу зачитать проект резолюции.

Зачитывается следующий текст проекта резолюции:

«Совет Безопасности, заслушав заявления — и — на своих заседаниях — и — января,

и ознакомившись с документами, представленными — и — делегациями, и с теми, на которые ссылались во время прений,

учитывая, что обе стороны заверили о своей готовности стремиться к разрешению настоящего дела путем переговоров,

выражает уверенность в том, что стороны достигнут справедливого решения в течение приемлемого срока, и

предлагает сторонам уведомить Совет, как только соглашение будет достигнуто, чтобы дело могло быть тогда снято с повестки дня Совета Безопасности, что не лишает Совет права возобновить рассмотрение дела до получения этой информации, если он сочтет это необходимым».

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я бы хотел исключить два последних абзаца и в конце второго абзаца добавить следующее:

«учитывая, что обе стороны заверили о своей готовности стремиться к разрешению настоящего дела путем переговоров и что таковые переговоры будут возобновлены немедленно...»
Взамен последних двух пунктов я хотел бы добавить:

«сторонам предлагается информировать Совет о достигнутых результатах; Совет в то же время сохраняет за собой право в любой момент затребовать информацию о ходе переговоров».

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я нахожу предложение г-на Бевина вполне приемлемым, но должен добавить, что должно быть ясно, что этот вопрос остается на нашей постоянной повестке дня. Если таков смысл его слов, я удовлетворен; если же нет, то я бы хотел, чтобы это было добавлено.

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Вот это я и имел в виду. Вопрос остается на повестке дня до тех пор, пока Совет не будет поставлен в известность относительно достигнутых результатов, или пока он не потребует до того доклада о ходе переговоров. А если — как предлагает представитель Соединенных Штатов — вопрос тем временем останется на повестке дня, то это, по-моему, будет в полном соответствии со статьей 35.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я вполне удовлетворен этим добавлением.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Поскольку, как мне кажется, в тексте г-на Бевина нет ничего, чего бы не было в моем, и в моем тексте нет ничего, чего бы не было у г-на Бевина, я вполне готов, если редакция, предложенная г-ном Бевином и дополненная г-ном Стеттиниусом, встречает общее согласие, взять обратно два абзаца моего первоначального предложения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Значит ли это, что представитель Нидерландов снимает свое предложение в пользу предложения г-на Бевина?

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Да, если на это есть общее согласие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Итак, перед нами резолюция, только что предложенная представителем Соединенного Королевства. Я прошу прочесть ее еще раз.

Г-н ДЖЕББ (Исполнительный секретарь) (*говорит по-английски*): Я не совсем уверен в том, что я правильно записал, но по-моему вот ее окончательный текст:

«Совет Безопасности,

Заслушав заявления --- и --- на своих заседаниях --- января --- и

ознакомившись с документами, представленными --- и --- делегациями и с теми, на которые ссылались во время прений,

учитывая, что обе стороны заверили о своей готовности стремиться к разрешению дела путем переговоров и что такие переговоры будут возобновлены немедленно».

дальше, мне кажется, она гласит:

«Просит стороны информировать Совет о достигнутых результатах; Совет, в то же время, сохраняет за собой право в любой момент затребовать информацию о ходе переговоров; тем временем вопрос остается на повестке дня».

Г-н МОДЗЕЛЕВСКИЙ (Польша) (*говорит по-французски*): По-моему, Совет по Уставу имеет право вмешаться в любое время, когда дело касается вопросов вроде того, который мы разбираем сейчас. Поэтому я не вижу ни необходимости, ни пользы, с точки зрения авторитета Совета, делать ссылку на это право в тексте предложенной нам резолюции. Ввиду этого, и с оговоркой возможных исправлений редакционного характера, я предлагаю Совету другой текст следующего содержания:

«Совет Безопасности принимает к сведению, что обе стороны готовы разрешить вопрос путем двусторонних переговоров. Для этой цели обе стороны свободны принять любые меры, которые они сочтут полезными. Обе стороны представляют Совету Безопасности в надлежащее время доклад о результатах этих переговоров».

Вполне понятно, что если в надлежащее время Совет Безопасности, заседающий непрерывно, не получит отчета, он имеет право вмешаться в это дело.

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я просмотрел статью 35, которая легла в основу этой поправки и, по моему мнению, она относится к вопросу, который должен быть представлен на рассмотрение Совета Безопасности. Если мы примем поправку, предложенную только что делегатом Польши, это будет означать, что мы уже рассматривали этот вопрос и покончили с ним и что, покончив с ним, мы постановили, что он должен быть предметом двусторонних переговоров, с той только оговоркой, что нам должны представить доклад о достигнутых результатах. Но если результата не будет достигнуто, то в таком случае, мне думается, мы лишаем себя возможности применять статью 35, и вот поэтому я и согласен с представителем Соединенных Штатов, что мы должны оставить вопрос на повестке дня до тех пор, пока не узнаем, что вопрос разрешен, так как он уже

рассматривался Советом. В статье 35 речь идет о новом вопросе.

А. Я. ВЫПИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Если предложение г-на Стеттиниуса, поддержанное г-ном Бевином по поводу того, что этот вопрос должен оставаться на повестке дня, будет одобрено, то это будет означать фактически, что Совет Безопасности одобрил рекомендации в отношении Советского Союза и Ирана. Но вопрос о рекомендациях может стоять только тогда, если есть основания, вытекающие из статьи 37 Устава. В статье 37 Устава говорится, что Совет Безопасности может рекомендовать такие действия, как это предусматривается в настоящей рекомендации, но только в одном определенном случае, а именно в случае, когда продолжение спора может в действительности угрожать поддержанию мира и безопасности. Из этого следует, что положение дела в настоящий момент в отношениях между Советским Союзом и Ираном является таковым, что возникает угроза миру и безопасности. Только в таком случае, и только тогда может Совет Безопасности принять эту рекомендацию, которая подразумевает этот факт в завуалированной форме, сохраняя этот вопрос на повестке дня Совета Безопасности.

Принимая во внимание сделанные здесь заявления и желания, которые были выражены Советским Союзом и, я вправе теперь полагать, также и Ираном, — желания, поддержанные рядом членов Совета Безопасности, — я думаю, что нет никаких оснований для применения статьи 37. И поскольку нет таких оснований, этот вопрос должен быть снят с повестки дня Совета Безопасности, ввиду того что нет больше необходимости для Совета Безопасности вмешиваться в этот вопрос и ввиду того что нет никаких юридических и правовых оснований для применения рекомендаций, вытекающих из статьи 37. Я не могу понять, почему необходимы новые поправки или дополнения к простой и благоразумной резолюции по поводу того, что предоставляется самим сторонам разрешить спор о своих противоречивых точках зрения путем обоюдного соглашения. Зачем еще нужно настаивать на том, чтобы этот вопрос оставался на повестке дня Совета Безопасности?

По моему мнению, сказать, что «вопрос остается на повестке дня Совета Безопасности» равносильно тому, чтобы сказать «мы рекомендуем вам решить этот вопрос, но если вы сами не решите его, то он будет решен Советом Безопасности». Но нет оснований для такого образа действия, как и нет никаких оснований для применения статьи 37; такое положение в данном случае не существует потому, что у нас нет намерений воевать против Ирана и у Ирана, я полагаю, нет намерений воевать против нас. Никаких зачатков агрессии, на которую неудачно намекал г-н Бевин, здесь нельзя усмотреть.

Предложение, чтобы вопрос об Иране оставался на повестке дня Совета Безопасности, порождено и объясняется исключительной подозрительностью, т. е. именно тем чувством, которое всегда затрудняло и все еще продолжает затруднять дружеское сотрудничество среди Объединенных Наций; это чувство тормозило работу и в прошлом, и давно пора от него избавиться. Главная задача Совета Безопасности и всей Организации Объединенных Наций в целом со-

стоит в том, чтобы расчистить путь для обоюдного понимания и сотрудничества, руководствуясь великими принципами, которые являются основой Устава Объединенных Наций.

Я решительно против того, чтобы этот вопрос оставался на повестке дня Совета Безопасности. Он должен быть снят ввиду ясного соглашения относительно дружественного разрешения этого вопроса. Я убежден, что мы достигнем результатов. Если нам не удастся достигнуть какого-либо результата, тогда любой член Совета Безопасности может прийти в Совет Безопасности и заявить: «Дайте нам отчет в том, что вы сделали, чтобы выполнить обязательства, которые вы взяли на себя на заседании 30 января 1946 года».

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Разрешите мне заверить г-на Вышинского, что тут дело не в недоверии или чем-либо подобном. Я только заинтересован в том, чтобы мы по возможности придерживались Устава. Я смотрю на дело так, что иранская делегация передала нам этот вопрос в соответствии со статьей 35, а сейчас мы отсылаем его обратно на разрешение путем двусторонних переговоров. Поэтому мне кажется, что Совет, действуя так, не выполнил своих обязанностей. Он только утвердил процедуру разрешения этого спора двусторонними переговорами, и до тех пор, пока отчет о двусторонних переговорах с указанием достигнутых результатов не будет переслан нам, вопрос этот, по моему мнению, все еще по Уставу будет лежать на нашей ответственности.

Я не знаю, что за ответ мы дадим, если скажем: «Был спор, мы заслушали стороны, приняли к сведению их заверения о том, что они будут вести переговоры, и окончательно устранились от этого дела, выговорив себе только получение периодических отчетов».

Согласно статье 36 мы обязаны, мне кажется, позаботиться о том, чтобы вопрос был разрешен. Как мне кажется, г-н Вышинский принимает мою резолюцию вплоть до слова «переговоров», но он не принимает слов: «тем временем, вопрос остается на повестке дня». Мне представляется, что если он взглянет на дело разумно и без подозрительности, то он увидит, что, включив эти слова, которые были добавлены к моей резолюции г-ном Стеттиниусом, мы с юридической точки зрения действительно выполняем свои обязанности по Уставу, и по выполнении их вопрос будет снят с повестки дня. Я искренно надеюсь, что г-н Вышинский отбросит всякую мысль, что такого рода резолюция мотивируется с нашей стороны чувством недоверия к правительству той или другой стороны. Мы стараемся выполнить возложенные на нас обязательства.

Г-н Веллингтон КУ (Китай) (*говорит по-английски*): Позвольте мне представить теперь точку зрения китайского правительства по стоящему перед Советом вопросу. Я смотрю на оставление или неоставление этого вопроса на повестке дня как на простую формальность и объясняю вам, почему. Поскольку дело касается Совета Безопасности, он имеет право и даже обязан рассматривать любой вопрос или ситуацию, которые могут затрагивать дружественные отношения между государствами или влиять на поддержание мира и безопасности. Поэтому, останется ли этот вопрос на повестке дня или

нет, это никакого отношения к правам и обязанностям Совета не имеет.

Что касается рассматриваемого нами вопроса, то, по-моему, если предложение об оставлении вопроса на повестке дня может встретить общее одобрение и способствовать добрым отношениям, он должен оставаться на повестке дня. С другой стороны, если окажется, что, настаивая на этой формальности, трудно добиться общего согласия, то, я думаю, Совет поступит правильно, пересмотрев свое решение.

Я считаю это чистой формальностью потому, что все зависит от хода и результатов переговоров. Если переговоры приведут к успешному, удовлетворяющему обе стороны соглашению, Совету — по получении уведомления об урегулировании вопроса — останется только порадоваться такому исходу и считать, что он отвечает принципам и целям Устава; и я лично считаю, что если такое урегулирование будет удовлетворять обе стороны, оно по всей вероятности будет соответствовать принципам и целям Устава. В таком случае Совет Безопасности поздравит обе стороны с успешным завершением переговоров, и вопрос о том, сохранять ли или не сохранять этот пункт на повестке дня, не будет иметь практического значения. С другой стороны, если переговоры не приведут к удовлетворительным результатам, я уверен, что та или другая сторона — в зависимости от того, которая из них не будет удовлетворена, — обратится к Совету, и тогда Совет на основании Устава не сможет отказать в рассмотрении дела. Таким образом, с практической точки зрения, останется или нет этот пункт на повестке дня, — это чисто вопрос формальности.

Я вполне понимаю, что некоторые из моих коллег озабочены тем, чтобы общественное мнение не сложилось в том смысле, будто Совет Безопасности, выслушав важные заявления по важному вопросу, уклонился от его разрешения. Я думаю, что, при соответствующих разъяснениях, опасаться этого не приходится.

Мне кажется, что более ранние заседания уже дали удовлетворительные результаты в том смысле, что обе стороны выразили серьезные намерения вступить в переговоры и, как я понял, обе стороны вполне готовы систематически информировать Совет о ходе переговоров. Обе стороны дали также заверения в своей доброй воле и искреннем желании довести переговоры до успешного конца.

Ввиду того что дело это приняло такой благоприятный и счастливый оборот, я с самого начала сомневался относительно целесообразности и необходимости принятия официальной резолюции, тем более что многие представители высказались в том же духе, и вы сами, г-н Председатель, сделали заявление, которое, казалось, выражало общее мнение членов Совета Безопасности.

Поэтому я хотел бы в заключение еще раз сказать, что мы считаем очень важным достигнуть общего согласия, а на вопрос о том, сохранять ли или не сохранять этот вопрос на повестке дня, мы смотрим как на чистую формальность. Останется ли он на повестке дня или нет, это не меняет дела и никоим образом не лишает Совет его права, а тем более не снимает с него его обязанности наблюдать за развитием всякой ситуации, которая может отразиться на дружествен-

ных отношениях между различными странами и на поддержании мира и безопасности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я хотел бы узнать у членов Совета, не считают ли они, что сейчас удобный момент для закрытия заседания, и желают ли они собраться на вечернее заседание. Я хотел бы знать мнение Совета по этому вопросу. Угодно ли Совету прервать сейчас заседание?

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Почему мы должны каждый раз прерывать обсуждения? Мы должны принять решение, а не прерывать дебаты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Если таково желание Совета, мы продолжим заседание. Желает ли кто-нибудь из представителей высказаться?

Г-н ТАКИЗАДЭ (Иран) (*говорит по-английски*): Здесь несколько раз говорилось о том, что обе стороны согласились вступить в переговоры. Я ясно указал в своем заявлении, что мы согласились вести переговоры и желаем вести переговоры при том условии, что вопрос, о котором идет спор, останется на рассмотрении Совета. Я не могу считать, что это формальность. Даже если бы это было формальностью, мы по опыту знаем, что если вопрос снимается с повестки дня, это всегда отзывается неблагоприятно на малой стране. Я не думаю, чтобы сохранение вопроса на повестке дня причинило вред Союзу Советских Социалистических Республик, но снятие его с повестки дня может повредить нам, а если оно повредит нам, то повредит и вам. Мир воспримет это в том смысле, что обращение в Совет малого государства отвергнуто. Поэтому я хочу просить советского представителя согласиться оставить этот вопрос на повестке дня, так как ничего дурного от этого не произойдет, и я искренне хочу, чтобы мы пришли к соглашению и сообщили Совету о чем мы договорились.

Г-н МОДЗЕЛЕВСКИЙ (Польша) (*говорит по-французски*): Если начать ссылаться — как это было только что сделано — на разные статьи Устава, то можно найти оправдание чему угодно. Устав предусматривает массу случаев и не трудно сослаться на ту или другую статью, чтобы доказать свою правоту. Мне хочется обратить внимание членов Совета Безопасности на дух, которым были проникнуты наши заседания, и выразить пожелание, чтобы этот прекрасный дух, который проявлялся в течение двух заседаний, нашел свое отражение в резолюции, которую нам предложено будет проголосовать.

С этой точки зрения я считаю мое предложение наиболее подходящим, чтобы собрать наши голоса. Оно констатирует, что мы приняли к сведению состоявшееся обсуждение, и я подчеркиваю всю важность того факта, что такого рода обсуждение имело место в Совете Безопасности. По-моему, это обсуждение окажет сильное влияние на предстоящие переговоры. Затем мой проект резолюции устанавливает, что обе стороны должны представить Совету Безопасности свои доклады о результатах переговоров. Это обязательно для обеих сторон. Если предпринятые переговоры не приведут к удовлетворительному результату, указанные отчеты поставят нас об этом в известность. Кроме того, Совет

будет все время в курсе происходящих переговоров и, следовательно, будет всегда в состоянии вмешаться, если это окажется необходимым.

Поэтому я прошу Совет поставить на голосование предложенный мною проект резолюции.

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Как самый примирительно настроенный человек в этой зале, я хотел бы задать г-ну Вышинскому вопрос. Если мы поставим точку после слова «переговоров» и выбросим слова «тем временем вопрос останется на повестке дня», согласен ли он (в этом и есть вопрос) — согласен ли он, чтобы, в случае неудовлетворительного хода переговоров, вопрос мог бы быть обсужден Советом Безопасности.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Мне кажется прежде всего, что этот вопрос в значительной степени гипотетический, потому что я не считаю, что такой сравнительно простой вопрос — который правда отнял так много времени у Совета Безопасности — не может быть нами решен. Но если, неожиданно, вследствие других обстоятельств или вмешательства некоторых горячих голов, результаты не будут достигнуты, тогда я могу ответить на вопрос г-на Бевина так: «Да, в соответствии с положениями Устава».

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Тогда резолюция формулируется следующим образом, — разрешите мне ее огласить?

«Совет,

заслушав заявления представителей Советского Союза и Ирана на своих заседаниях 28 и 30 января и

ознакомившись с документами, представленными советской и иранской делегациями, и с теми, на которые делались ссылки во время прений,

учитывая, что обе стороны подтвердили свою готовность стремиться к решению обсуждаемого вопроса путем переговоров и что таковые переговоры будут возобновлены в ближайшем будущем,

просит стороны сообщить Совету о всех тех результатах, которые будут достигнуты в ходе этих переговоров. Тем временем Совет сохраняет за собой право запросить в любой срок сведения о ходе переговоров».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Настаивает ли делегат Польши на своей поправке?

Г-н МОДЗЕЛЕВСКИЙ (Польша) (*говорит по-французски*): Да, г-н Председатель, и я хочу объяснить, почему: я мог бы согласиться с резолюцией, предложенной представителем Великобритании, при условии изъятия из третьего абзаца слов «и что таковые переговоры будут возобновлены в ближайшем будущем». Тогда не будет существенной разницы между моей резолюцией и резолюцией г-на Бевина и, действуя как и он в примирительном духе, я готов снять мою резолюцию.

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Это же нельзя назвать предложением.

Г-н МОДЗЕЛЕВСКИЙ (Польша) (*говорит по-французски*): Польское предложение заключается в том, что слова «в ближайшем будущем» должны быть вычеркнуты.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Так как, кажется, я был единственным, кто настаивал на словах «остаётся на повестке дня», я хочу сейчас уточнить свою позицию в связи с последним предложением г-на Бевина. Я готов принять предложение г-на Бевина, при условии что этот вопрос будет продолжать оставаться в постоянном ведении Совета Безопасности до тех пор, пока он не будет разрешен сообразно с целями и принципами Устава.

Г-н МОДЗЕЛЕВСКИЙ (Польша) (*говорит по-французски*): Из выслушанных мною толь-

ко что объяснений я вижу, что произошло недоразумение из-за моего недостаточного знания английского языка. При этих обстоятельствах, я готов снять мое предложение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Теперь имеется только предложение, внесенное представителем Соединенного Королевства. Я спрашиваю, если ли возражения? В таком случае резолюция принимается единогласно.

Резолюция принимается единогласно.

По предложению г-на Стеттиниуса (Соединенные Штаты Америки), и после непродолжительного обсуждения, принимается решение о том, что следующее заседание состоится в пятницу 1 февраля, в 3 ч. дня.

Заседание закрывается в 7 ч. 16 м. вечера.